

Наш собеседник — актер театра и кино, заслуженный артист РСФСР Валерий Сергеевич Золотухин. Ветеран московского Театра на Таганке, он играет в нем со времени его основания — вот уже более двух десятилетий. Немало ролей создано им за это время. Достаточно лишь назвать такие спектакли, как «Добрый человек из Сезуана» и «10 дней, которые потрясли мир», «Вишневый сад» и «На дне», такие фильмы, как «Хозяин тайги», «Бумбараш», «Человек с аккордеоном», да и многие другие, чтобы зритель представил знакомый и любившийся облик.

В последние годы он пробует свои силы в литературе. Им созданы две самобытные и оригинальные повести — «На Исток-речушку, к детству моему» и «Дребезги», многие рассказы. Включившая их книга «Печаль и смех моих крылечек» вышла в прошлом году в издательстве «Современник». Это ее второе, дополненное рассказами издание.

Он «...литератор, — напишет в своей рецензии известный советский писатель Герой Социалистического Труда Михаил Николаевич Алексеев, — и, кажется, всерьез и надолго. Судя по первым его опытам, он уже успел понять одну из чрезвычайности важную истину: если в житейском плане какая-то малая ложь в какой-то степени простительна, то в искусстве это исключено, тут уж плати чистою золотой монетой... Язык рассказчика хорош, по-народному образен, часто лукав, с этаким хитринкой мужичкой, местами с мудреной заковыкой — вековой опыт научил российского мужичка быть не слишком обнаженным как в поступках, так и в речах...».

И первое, что бросается в глаза при чтении его автобиографических повестей, — это контраст между автором нынешним — талантливым и известным актером, вдумчиво работающим над постижением образов героев, — и тем, из такого уже далекого детства, задорным и озорным мальчуганом... Правда, уже тогда он видел свое призвание: сколько помнит себя — хотел быть актером...

— Валерий Сергеевич, расскажите, как шло формирование ваших творческих интересов, какую роль в преодолении этого контраста сыграли книги? Читались ли дома вслух книги?

— Применительно к той среде, в которой я вырос, вряд ли можно серьезно говорить о традициях семейного чтения. Детство мое протекало в далекой алтайской деревне, при керосиновой лампе, и подобные чтения просто не могли возникнуть из самих условий жизни.

Правда, мама, Матрена Федосеевна, читала нам суровыми зимними вечерами то место из гоголевского «Тараса Бульбы», где мать прощается со спящими сыновьями перед их отъездом в Сечь. Плакала. И мы с братом плакали. Отец был суров. Коммунист, председатель послевоенного колхоза, дома он бывал мало. И было ему не только не до чтения, но и вообще не до воспитания сыновей.

Время было нелегкое. Мать отдала меня в детский сад. Случилось так, что я вывалился из окна второго этажа и долгие годы лечился потом в костно-туберкулезном санатории...

Там я и услышал о духовном человеческом назначении из уст няньки, которая читала нам сказки Андерсена. Книжка была какого-то старого издания, и жил в этих сказках тот духовный поток, который почему-то исчез в последующих изданиях. Когда теперь, через много лет, слушаю, как моя жена читает маленькому сыну те же самые сказки, мне видится, что они как бы прошли фильтрацию: так адаптированы и прилажены современные их переводы! Что-то уж очень самобытное ушло из них, растворилось... А жаль: на меня произвела впечатление именно та — старая редакция, где силы добра и зла, справедливости и коварства рисовались в их первоначальном виде...

Книжкой, которую я впервые прочитал сам, стал «Золотой ключик». Я был почему-то очень обижен на А. Толстого за то, что мальчика он назвал Буратино, а не Ваня; Джузеппе, а не Илларион. Мне казалось, что сказка эта очень русская (хотя ее терминология была несколько иноязычной). Я перечитывал ее примерно до четвертого класса в своем, доброй памяти, санатории. И, то ли она была уж так драматична, то ли картинки в ней театрализованы, — помню, очень хотелось мне переиграть чуть не всех ее персонажей...

А фантастики не любил. Пожалуй, кроме Жюль Верна.

Но особые отношения сложились у меня с книгой «Отцы и дети». С этим романом

я прожил целую жизнь... У меня было правило перечитывать его на разных этапах, каждый раз упиваться им в одиночестве. И каждый раз я лил горькие слезы при смерти Евгения Базарова... Может быть, оттого, что всегда находился в каком-то противостоянии со своим, суровым и молчаливым, отцом?

— А есть ли у вас теперь своя библиотека? И в какой мере она является рабочей,

то есть как помогает вам в вашем актерском деле?

— С годами она, конечно, создалась. Но, как и все в моей жизни, «анархична». То есть, сумбурна и бессистемна. Но проследить мои пристрастия по ней, я думаю, можно. Ведь покупаю же я одни книги и не приобретаю другие.

Скажем, Пушкина надо иметь в каждом доме. То же я бы сказал о Достоевском — писателе моем любимом, у которого одних только «Братьев Карамазовых» я перечитывал раз шесть! Это относится и к Льву Толстому. Но вот, скажем, «Войну и мир», прочитанную в детстве плохо, потом перечитал еще: более внимательно. Но больше меня к этой книге не тянет. А к Достоевскому возвращаюсь постоянно! У Тургенева мне достаточно иметь «Отцы и дети» и «Записки охотника»...

Конечно, хотелось бы иметь многое, но, как говорится в народе, бодливой корове бог рогов не дал. Зачем уподобляться тем горе-собираателям книг, которые в наши дни их покупают, чтобы «украсить» книжный шкаф! В иных городах на «толкучках» умышленно продают «корешки». И кто-то их умышленно покупает! (То есть лишь часть обложки, которую стилизуют «под книгу». Такие «собрания сочинений» стоят, конечно, гроши). Как тут не вспомнить слова Чебутыкина из чеховских «Трех сестер»: «Черт знает... Третьего дня разговор в клубе; говорят, Шекспир, Вольтер... Я не читал, совсем не читал, а на лице

своим показал, будто читал. И другие тоже, как я. Пошлости!..».

Вот именно. Отчего и книг не бесчисленное множество воцарилось на моих стеллажах...

Рабочая библиотека у меня, как видите, очень небольшая: она состоит в основном из словарей, начиная с Даля (а вот Брокгауза у меня нет, и купить его трудно!). Здесь — поговорки, пословицы, фольклорные издания...

— Собственно, ваш рабочий материал?

— Да, все, что так или иначе может пригодиться в работе...

— А ваше отношение к театральным мемуарам?

— Для меня интересны лишь те и о тех, с кем был лично знаком и кто при жизни мне был интересен. Скажем, с огромным удовольствием прочитал «Дневники» Николая Дмитриевича Мордвинова, с которым имел счастье играть в мой первый и единственный год в Театре Моссовета.

Правда, бывают исключения. Но делаю их крайне редко: для тех, кто во всех отношениях может служить примером, кого считаю Учителем с большой буквы. Таким человеком, актером, творцом был для меня Сергей Яковлевич Лемешев, перед которым всю жизнь преклоняюсь и с кем так никогда и не встретился! Его книга «Путь к искусству» — замечательная в этом жанре. Не «Жизнь в искусстве», не «Взгляды на искусство», а только всю жизнь путь к не-

КНИГА В МОЕЙ СУДЬБЕ

кую поэтическую тональность.

А вот, работая над образом Моцарта в фильме «Маленькие трагедии», я тоже перечитал много книг. Например, двухтомное исследование о композиторе Германа Аберта, в котором содержится богатый биографический материал. Но что интересно: в постижении образа Моцарта это мне ничего не дало! Потому что не пушкинское — увело в сторону, а надо было играть пушкинского Моцарта. Даже конкретные его качества, о которых я узнавал, читая литературоведческие исследования (родственные связи, скажем, взаимоотношения членов его семьи), все больше мешали, сбивая меня с чистой пушкинской интонации.

Но, может быть, это чтение подсознательно и помогло в «глобальном» постижении образа? Во всяком случае мне большую пользу принесло перечитывание других пушкинских творений, не имеющих отношения к Моцарту, — «Медный всадник», «Домик в Коломне»...

Но бывает иначе. Так, при работе над образом революционера Горского в телефильме «О друзьях-товарищах» только сценарного материала для меня оказалось мало. Я вчитывался в документы не только о самом герое (а он — историческое ли-

На читке у меня возникла конфликтная ситуация с режиссером: казалось, он видит в Глебе больше негативную сторону — что он себе на уме, заранее предатель. Я кинулся на защиту своего героя и заявил, что Глебов, как явление, это и я, и он, и вы, товарищ режиссер, — потому что в человеке намешано все: и хорошее, и плохое. Скажем, существует такое качество, как страх. Но вы является он у каждого человека по-разному. И если я не буду защищать своего героя, то мне не удастся сыграть его искренне. И делать это я должен как можно откровеннее, тоньше и более узнаваемо... И, обращаясь к сидящему в зале Трифонову, добавил: «И вы — Глебов!».

Он еще удивился: «И я?».

Спустя какое-то время, когда Юрий Валентинович снова пришел на репетицию (а был он очень немногословен, сдержан и говорил, не торопясь, взвешивая каждое слово), он мне сказал: «Мне кажется, что вы правы в этом споре». Да, это был рабочий спор: мне надо было найти свою интонацию и приспособить ее к образу литературного героя...

— Вы постоянно заняты — играете в театре, снимаетесь в кино, на телевидении. И тут не избежать традиционного вопроса: когда же вы успеваете столько читать?

— В паузах во время съемок, до и после репетиций. Читаю дома за столом: когда не пишется — читаю, когда не читается — пишу...

Сейчас для меня любое чтение является и отдыхом, и работой. Помимо духовного заряда, который оно дает, мозг тут же успевает сделать какие-то отметки: почему

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Беседа
с Валерием
Золотухиным

му! Вот этой скромности и не хватает авторам многих мемуаров...

— Читателям будет интересно узнать, в какой степени при работе над ролью вы используете первоисточники? То есть, достаточно ли вам бывает пьесы или сценария, чтобы постигнуть данный образ, или для вас необходимо изучение разного рода литературы об авторе или о герое?

— Думаю, здесь не может быть однозначного ответа. Только не нужно путать чтение с актерским ремеслом.

Скажем, в работе на телевидении над моноспектаклем по поэме Сергея Есенина «Анна Снегина» я перечитывал поэта, вникал в дополнительные материалы о нем, мне было важно найти личную, человеческую заинтересованность, то есть сопоставить свою биографию с биографией героя (он же — автор), найти как можно больше точек соприкосновения, чтобы интонация, как бы бытовая, приобрела высо-

цо), но и в биографии Свердлова, Дзержинского; читал, например, письма Феликса Эдмундовича жене — в поисках реплик, фраз, могущих обогатить образ...

— Валерий Сергеевич, а что вам дает личное общение с авторами, скажем, сценарием или пьесой? Приходится ли вам их видеть в работе?

— Вот этого я уже не люблю! Домашних знакомств всегда избегал и избегаю. Ибо о писателях следует узнавать из книг. А когда начинаешь с ними общаться, то происходит какая-то переоценка и судишь уже не о книгах, а об их авторе.

Но если серьезно, то мне помогло присутствие на репетициях Юрия Валентиновича Трифонова. Мы ставили в Театре на Таганке его «Дом на набережной». Репетируя при нем, я всегда чувствовал смущение. Во всяком случае, при обсуждениях старался быть в стороне, оставляя его один на один с постановщиком спектакля.

это сказано хорошо, почему эта строка не нравится... Читая, я останавливаюсь, задумываюсь: как это сделано? чем достигается?.. Происходит процесс учебы. Процесс накопления опыта.

— А что бы вы хотели пожелать читателям «Книжного обозрения»?

— Любовь к книге — любовь ответственная. Любовь, которую надо завоевать и приобрести. Поэтому, если мы хотим, чтобы наши дети читали и любили книгу, в первую очередь они должны ее видеть в наших руках.

Я знаком с женщиной, которая для своей дочери переписала на английском языке «По ком звонит колокол», когда этот роман Хемингуэя еще не был у нас переведен. Потом по-своему его перевела... Когда ее дочь подросла, она сделала свой перевод с материнской руки. А сейчас у дочери уже подрастает своя дочь. И тоже готовится сделать свой, самостоятельный перевод...

Вот что такое Книга! Вот какое отношение к ней должно воспитываться нами с детства.

Интервью вел
Валерий ЛЕБЕДИНСКИЙ.

Валерий Золотухин и Владимир Высоцкий. Снимок 1960-х годов. (Публикуется впервые).

